

Среда, 27 ноября 1996 года

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

7

Театр, не похожий на другие

1996. - 27 ноября. - С. 7

Иду в «Геликон»

Начну со знакомства: трагическая «Аида». Войска теснятся по сцене всюду (но в арийском порядке), а принцесса египетская развлекается в жестокие игры с прислужницами, танцующими под плетями...

«Геликон» — наравне с «Парнасом» — гора, где в Элладу обитали музы и даже купались в священном источнике вдохновения, надо полагать, выбитом в скале копытом крылатого Пегаса, рожденного из туловища Медузы Горгоны. Сложная и глубоко таинственная аллегория превращения уродливого и ужасного в божественное и прекрасное.

Часто ли мы видим это в искусстве? Лишь в настоящем. Но как отличить? Видимо, по тому «шестому» чувству, открытому Николаем Гумиловым. Оно спит в нас до поры прикосновения к великому и прекрасному. Согласитесь, к ним все-таки не относятся показ мод, стриптиз и гладиаторские — на все лады — бои. Последние пробуждают аппетит или отвращение, тогда как то самое чувство «шестое» обостряет голод по волшебству горного духа, заменяющему все: и сытость, и любовь.

«Это самое» не спутаешь и с религиозным восторгом и поклонением. Оно сродни смелости и откровенности творчества...

Мне кажется, все спектакли — а это известные оперы — в театре «Геликон» отмечены этим чувством...

«Травиата». Дивная музыка, но, как правило, тривиальное, пышно-унылое действо. А тут вдруг на сцене — и по существу сама сцена — огромная кровать. А ведь так оно и есть: дамы полусвета славились не даром и недаром. Образ веселья и греха — в результате наказуемого...

«Аида» ведь есть и военная опера, апогей агрессии против человечности...

А «Кармен»... Что такое Кармен и Хозе, какова подлинная роль каждого? Кто здесь убийца и кто самоубийца?.. Конечно, любовь.

Я не критик, а зритель. И потому имею право просто сказать:

«нравится» или «не нравится».

Но если мне хочется сказать что-то большее,

это уже загадочное проявление сцены — через меня.

Поэтому не буду говорить об актерах «Геликона» —

они такие же люди, как и мы.

Но скажу о том действии, которое они развивают во мне.

И вот она, всемогущая и своенравная богиня, пленяет и сражает по своей прихоти...

Игорный стол соединяет жизнь и смерть, рок и любовь в самом страстном и загадочном произведении Пушкина и Чайковского «Пиковая дама»...

А труппа... Какая-то легкость и праздничность во всех, начиная с кассирши Марины и аристократичных студентов-портье, и еще удивительная доверчивость к своему главному режиссеру, который все так «увидел», «расслышал» и представил...

Самое неожиданное в его постановках — при столь малом размере сцены, оркестровой и зрительской площадок — это не концертный вариант исполнения при лаконичных декорациях, условных костюмах, а сама жизнь во всей глубине и широте: Которая здесь, в данную минуту, не может иначе, чем петь и танцевать, будто рождая ту знаменитую музыку, которая им предпослана. В оркестре нет пустых вежливых «проходных» мест, проигрывшей программных мелодий. Даже увертюры наполнены сценическим движением

и подчинены сюжету. С момента взмаха палочки дирижера ты прикован к развитию действия и слухом, и взглядом, и «шестым чувством». А певцы одновременно и незаурядные актеры. Наверняка у вас появятся любимцы и любимицы. Но все они и разом, и в отдельности юны, невзирая на опытность, прекрасны, несмотря на разнообразие вкусов, и все излучают энергию, обаяние и радость самовыражения, независимо от длины и престижности роли.

Как-то, в момент заключительных оваций на юбилейном (5 лет!) спектакле «Мавра» Стравинского, я очутилась рядом с сутуловатым, мешковатым, по-безуховски рассеянным молодым человеком. Он завороченно, как все, смотрел на сцену и тоже смеялся и хлопал. Это, сказали шепотом сзади, и есть «Дмитрий Бертман» — главный постановщик и режиссер, художественный руководитель, создатель всех этих спектаклей и, стало быть, самого театра.

Я не стала расспрашивать: как, откуда и почему у него такая трактовка и такая сила? Сила, которая притягивает в театр красоту, мастерство, мысль и страсть трудиться до упаду или до упоения, если хотите — чтобы передать то, что еще не было сказано, не было открыто и не было подвластно сугубо певческой опере...

Я только жду каждой новой постановки, как необыкновенного, радостного и глубокого события.

Сегодня премьера — «Летучая мышь». Я знаю, меня ждет чудо: оживший мир Штраусовской Вены и еще что-нибудь необычайное — в уютном «Доме медиков», что на Никитской, недалеко от прославленной Консерватории, которая отнюдь не шокирована таким соседом, как «Геликон»!

Светлана РУДАКОВА